

УДК 81'22

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И ФОРМЫ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ЗАГОРОВСКАЯ Ольга Владимировна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка,
современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изменениям, происходящим в структурной организации национального русского языка и формах его существования в новейший период развития российского общества. Представлена авторская концепция типологических разновидностей современного русского языка и охарактеризована их динамика с учетом собственно лингвистической и социокультурной значимости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальный русский язык, форма существования национального языка, социальная разновидность языка, функциональная разновидность языка, литературный язык, жаргон, просторечие, устная речь, письменная речь, визуальная речь.

ZAGOROVSKAYA O.V.,

Dr. Philolog. Sci., Professor of the Department of Russian Language,
Modern Russian and Foreign Literature,
Voronezh State Pedagogical University

THE TYPOLOGICAL VARIETIES OF THE RUSSIAN NATIONAL LANGUAGE AND THE FORMS OF ITS EXISTENCE AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

ABSTRACT. The article is devoted to changes in the structural organization of the Russian national language and forms of its existence in the contemporary period of the Russian society development. The author's concept of typological varieties of the modern Russian language is presented. Their dynamics based on linguistic and sociocultural significance is characterized.

KEY WORDS: Russian national language, a form of existence of a national language, social language, functional language, literary language, jargon, vernacular, spoken language, written language, visual language.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что изменения, происходящие в русском языке в новейший период его истории (с середины 90-х годов XX века по настоящее время), касаются не только узуса, но и системы (как совокупности языковых единиц, их связей и отношений) и проявляются в том числе в трансформациях структурной организации национального русского языка в целом и в трансформациях ее составляющих [1; 2, с. 36–37]. Справедливость данного утверждения доказывается результатами многочисленных исследований, посвященных динамическим изменениям в современном русском языке и процессам, происходящим в его функциональных и социальных разновидностях, функциональных стилях, типах речи, «речевых регистрах» и т.п. (см., например, работы Л.П. Крысина, Е.А. Земской, Н.С. Валгиной, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, Л.А. Капанидзе, О.П. Ермаковой, И.А. Стернина, О.В. Загоровской, Г.А. Золотовой, М.А. Грачева и др.).

Несмотря на то, что проблемы структурной организации национального русского языка и определения его основных типологических разновидностей не имеют в современной русистике однозначного решения, а предлагаемые в научной и учебной ли-

тературе стратификации и модели членения названного феномена на те или иные страты и оппозиционные противопоставления (подсистемы) во многих случаях существенно различаются (ср., например, концепции о разновидностях литературного языка; социальных основах и статусе разговорной речи и современного просторечия в системе национального русского языка; соотношении понятий «функциональная разновидность языка» и «функциональный стиль литературного языка»; месте так называемого «общего жаргона» в структуре современного русского языка; статусе языка средств массовой информации, языка интернета и т.п.), обобщение существующих в современной лингвистике идей и результаты собственных научных разысканий автора позволяют утверждать, что изменения в настоящее время касаются всех основных уровней структурного членения национального русского языка и всех его типологических разновидностей, выделяемых по следующим наиболее существенным и хорошо известным русистике (но до сих пор последовательно и системно не описанным) основаниям: 1) социальному статусу и соотношению с нормами литературного словоупотребления; 2) социальной базе; 3) функциональной направленности и

сфере использования; 4) форме материального воплощения и каналам восприятия.

Как показывают исследования, прежде всего в настоящее время меняется типология форм существования национального русского языка, выделяемых по социальному статусу и отношению к кодифицированным нормам литературного словоупотребления, традиционно представляемая в виде членения: «литературный язык» – «территориальные диалекты» – «городское просторечие» – «социальные жаргоны». Если еще несколько десятилетий назад названные основные разновидности национального русского языка, имеющие во многих научных трудах недифференцированное обозначение «социально-функциональных», четко встраивались в дихотомию «русский литературный язык – нелитературные формы национального русского языка», или, по иной терминологии: «литературный язык – народно-разговорная речь» [3; 4; 5, с. 324–325], то в настоящее время подобная типологическая модель общей структуры русского языка является не вполне корректной. Число форм существования (разновидностей) национального русского языка, выделяемых на основании их соотношения с кодифицированными нормами литературного словоупотребления, в новейший исторический период увеличилось за счет четко определивших свою самостоятельность «языка художественной литературы» (следует отметить, что процесс выделения названного феномена в отдельную разновидность национального русского языка начался довольно давно и многие исследователи и ранее настаивали на его особом статусе; см., например, работы Т.Г. Винокур, В.П. Григорьева, В.Д. Левина) и «языка средств массовой коммуникации» (ранее именуемого «языком СМИ»), укрепившегося и расширившегося в последнее время в результате стремительного развития языка рекламы и электронных средств общения (подробнее см.: [2; 6]).

Названные новые самостоятельные разновидности национального русского языка (язык художественной литературы и язык средств массовой коммуникации), сформировавшиеся в результате общих динамических процессов его развития, а также вследствие разрушения господствовавших ранее представлений об обязательной нормативности и языковой «образцовости» не только художественного стиля («художественной речи»), но и стиля публицистического («газетно-публицистической речи»), совмещают в себе особенности двух ведущих и исторически первичных разновидностей национального русского языка: «языка литературного» (по современной терминологии – «кодифицированного литературного языка») и «языка нелитературного» («народно-разговорной речи»), занимают промежуточное положение между ними и, безусловно, усложняют общую структурную организацию форм существования национального русского языка в целом. При этом ведущей типологической разновидностью русского языка на указанном уровне структурного членения по-прежнему остается русский литературный язык, отличающийся наиболее высокой социальной престижностью. Как справедливо отмечается в научной литературе, «будучи компонентом культуры, литературный язык представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие независимо от того, владеют они этой подсистемой или какой-либо другой», а понятие «ориентация» в данном случае «означает не

столько стремление овладеть литературным языком, сколько понимание его более высокого социального статуса по сравнению со статусом территориальных диалектов, просторечия, социальных и профессиональных жаргонов» [5, с. 340]. К сказанному необходимо добавить, что статус русского литературного языка в настоящее время еще более повышается в результате законодательного закрепления именно данной подсистемы в качестве языка государственного и обязательного для использования в официальных сферах общения на всей территории Российской Федерации (см. текст Закона о государственном языке Российской Федерации, в котором впервые понятие «государственный язык» отождествляется с понятием «кодифицированный литературный русский язык» и в пункте шестом второй статьи указывается на то, что «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка» [7]).

На рубеже XX–XXI веков и в начале нынешнего века меняется также типология разновидностей национального русского языка, выделяемых по признаку их социальной базы (социального круга носителей). С учетом названного основания в национальном русском языке ранее четко разграничивались, с одной стороны, литературный язык и просторечие (городское просторечие), обслуживающие крупные социальные группы носителей языка, а с другой стороны – территориальные и социальные диалекты (жаргоны), используемые небольшими группами людей [8; 9]. При этом основным социальным признаком, различающим литературный язык и просторечие, справедливо считался уровень образованности их носителей: литературный язык определялся как «язык образованной, культурной части народа», людей, «которые следуют литературной языковой традиции» и «ориентируются на литературную норму» [5, с. 328]), а носителями просторечия считались «лица, недостаточно образованные» [10, с. 66]. Типология территориальных и социальных диалектов традиционно определялась в соответствии с территорией проживания социальных групп или их определенными профессиональными, корпоративными или возрастными характеристиками; достаточно четко разграничивались также различные группы народных говоров и различные виды корпоративных, профессиональных и возрастных жаргонов [3, с. 221; 5, с. 340–375].

В настоящее время время количественный состав и характеристики социальных разновидностей национального русского языка существенно трансформируются. При этом наиболее серьезные изменения, значимые для структурной организации национального русского языка, затрагивают просторечие и жаргоны. В современной лингвистической литературе широкое распространение получила концепция Л.П. Крысина, согласно которой прежде единое просторечие в новейший период развития русского языка разделилось на две разновидности: «просторечие – 1», сохраняющее связи с территориальными диалектами, и «просторечие – 2», тесно связанное с современными жаргонами [5, с. 351]. При этом, по мнению названного исследователя, указанные виды просторечия различаются кругом носителей: просторечие-1 свойственно горожанам старшего возраста, преимущественно пожилым женщинам, не имеющим образования или имеющим начальное образование и использующим в своей речи «ста-

рые», традиционные пласты языковых средств типа *пуцай, страмить, ейный* и под.; просторечие-2 характерно для горожан среднего или молодого возраста (преимущественно мужчин), имеющих незаконченное среднее образование, не владеющих нормами литературного языка; «их речь лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована» [Там же] (Ср. с предлагаемым В.В. Химиком разделением современного просторечия на «социальное», соответствующее «просторечию-1», и «функционально-стилистическое», вообще не ограниченное рамками каких-либо социальных групп [11, с. 3]).

Думается, однако, что предложенное Л.П. Крысиным двухчастное членение русского просторечия уже не вполне соответствует современной языковой действительности. Помимо отмеченных, в современном русском языке в настоящее время активно функционирует еще одна социальная разновидность нелитературного языка, носителями которой являются люди, имеющие законченное высшее образование, но широко использующие в своей речи не только единицы, нарушающие различные виды языковых норм русского литературного словоупотребления (фонетических, словообразовательных, морфологических, синтаксических), но и норм морально-этических (грубовато-просторечную, грубую и инвективную лексику). Подобная социальная разновидность русского языка может быть названа «просторечие-3», а ее носители могут быть объединены таким социальным признаком, как отсутствие достаточной образованности в области родного языка и культуры русской речи.

На рубеже XX–XXI веков существенно расширился состав социальных диалектов (жаргонов) национального русского языка: появились новые профессиональные и корпоративные жаргоны (например, коммерческий жаргон, жаргон предпринимателей, жаргон «новых русских» и др.), а также сформировался так называемый «общий жаргон», объединивший в себе ставшие общеизвестными и широко употребительными единицы различных корпоративных и профессиональных социальных диалектов: уголовного, молодежного, солдатского, компьютерного и др. (см. об этом работы Е.А. Земской, Л.И. Крысина, И.А. Стернина, О.В. Загорской и др.). Названное языковое образование, нередко именуемое «интержаргоном», «общенациональным жаргоном» или «общенациональным сленгом», по мнению некоторых исследователей, претендует в настоящее время на статус самостоятельной нелитературной формы существования национального русского языка, ориентированной на выполнение особой экспрессивной функции, и может рассматриваться как новая функциональная разновидность национального русского языка. Подобная точка зрения представляется не вполне корректной. Думается, что так называемый «общий жаргон», не ограниченный корпоративными или профессиональными рамками, более правомерно рассматривать как особую, специфическую (по признаку происхождения) и инновационную часть современного просторечия, в том числе «просторечия-2» и «просторечия-3», также имеющих широкую социальную базу.

Что касается таких социальных разновидностей национального русского языка, как территориальные диалекты (народные говоры), то они все более сокращают свою социальную базу, а также количественный состав (как за счет полного исчезновения,

так и за счет перехода в «полудиалекты» [12, с. 92–98], что в определенной мере упрощает соответствующий уровень структурного членения современного русского языка.

Изменения в структуре русского языка, которые касаются его разновидностей, выделяемых на основе функциональной направленности и сферы использования (официально-деловой, научной, публицистической, художественной и бытовой), в настоящее время происходят по нескольким направлениям. Первая линия названных трансформаций связана с появлением принципиально новых функциональных разновидностей русского литературного языка. В числе подобных инноваций могут быть названы, прежде всего, религиозно-проповеднический стиль и стиль бизнеса и коммерции (см., например: [13; 2, с. 37]).

Вторая линия в изменениях рассматриваемого участка структурной организации современного русского языка проявляется в тенденциях к переходу функциональных стилей из разряда замкнутых разновидностей, ограниченных рамками литературного языка, в самостоятельные и самодостаточные образования внутри общей системы национального русского языка. Подобную трансформацию претерпели уже упоминавшиеся ранее «язык художественной литературы» и «язык средств массовой коммуникации», сформировавшиеся на основе художественного и публицистического стилей. На рубеже XX–XXI веков сходные процессы, как представляется, характерны для стиля научного, стиля бизнеса и коммерции, а также обиходно-бытового (разговорно-бытового).

Переход научного стиля в статус самостоятельного «языка науки» (как совокупности подъязыков различных отраслей знания и техники) в настоящее время обуславливается прежде всего бурным развитием соответствующей сферы человеческой деятельности, в связи с чем язык современных научных исследований оказывается весьма специфичным не только по характеру использования средств литературного языка, но и по их набору (некоторые отрасли современной науки и техники насчитывают до нескольких миллионов терминов), а также и по моделям образования языковых знаков. Более того, современные специальные подязыки, как и русский литературный язык в целом, представляют собой строго кодифицированные системы, которые соотносятся с соответствующими профессиональными жаргонами примерно так же, как книжно-письменный литературный язык соотносится с устно-разговорным.

Тенденция к переходу обиходно-бытового стиля русского литературного языка (разговорной разновидности литературного языка) в самостоятельный «разговорный язык» («разговорную речь») была замечена отечественными исследователями еще в начале второй половины XX века. Уже тогда разговорный стиль (разговорная речь) многими учеными стал интерпретироваться как самостоятельная подсистема литературного языка со своим набором единиц и правилам их сочетания друг с другом, которая используется носителями литературного языка в условиях непосредственного, заранее не подготовленного общения при неофициальных отношениях между говорящими [14, с. 9; 15]. В настоящее время в результате повышения значимости разговорной речи и увеличения ее доли в коммуникации (включая публичную сферу общения) процессы обособления названной разновидности русского

языка все более ускоряются и вероятность окончательного перехода разговорной литературной речи в самостоятельную языковую подсистему становится все более вероятной. При этом все более укрепляется оппозиция «книжный литературный язык» – «разговорная речь» (ср.: [15, с. 225]).

К числу трансформаций на рассматриваемом структурном уровне системы современного русского языка следует отнести и появление такого феномена, как уже упоминавшееся «функционально-стилистическое просторечие» (термин В.В. Химика), природа которого заключается в сознательном и преднамеренном использовании самыми разными носителями языка ненормативных языковых единиц, в том числе грубых, «для выражения особой экспрессии сниженности и упрощения речи», а также для выражения резко негативных оценок и в целях языковой игры [11, с. 3]. Названный языковой феномен, претендующий в настоящее время на статус полноценной функциональной разновидности национального русского языка, по своим лингвистическим характеристикам во многом тождествен «просторечию-2» и «просторечию-3», но не имеет определенной социальной базы, т.к. носителями «функционально-стилистического просторечия» оказываются люди различного уровня образования, профессии, положения в обществе.

Существенные изменения происходят и в членении русского языка с точки зрения формы его материального воплощения и каналов восприятия. В результате бурного развития новых информационных технологий на смену привычной дихотомии «устный русский язык» – «письменный русский язык» (в традиционном представлении: «устно-разговорный вариант русского языка» – «книжно-письменный вариант русского языка») пришло деление современного русского языка на три формы: устную, письменную и устно-письменную (по иной терминологии: «визуальную», «письменно-разговорную»), характерную для электронной коммуникации, при которой возможно графическими письменными визуальными средствами передавать особенности устной спонтанной речи. При этом, по мнению исследователей, новая «устно-письменная» («визуальная») речь становится полноценной формой существования разговорного языка и отличается по набору своих признаков от традиционной письменной речи [16] (см. также работы А.А. Капанадзе, М.А. Кропгауза и др.).

Рассматривая вопрос об изменениях в разновидностях современного русского языка, следует подчеркнуть, что структурные трансформации происходят в настоящее время и на уровне его отдельных подсистем, выделяемых в соответствии с единицами языка, т.е. в фонетической, лексической и грамматической подсистемах. Анализ подобных процессов, безусловно, требует специального изучения. В данной работе сформулируем лишь некоторые наблюдения, касающиеся данного вопроса.

Как показывают наши исследования, структурные изменения на уровне лексико-семантической подсистемы современного русского языка в новейший период его истории проявляются прежде всего в изменениях связей и соотношений ее составляющих – лексико-фразеологических (лексико-семантических) полей (ЛФП). Основными линиями подобных изменений при этом оказываются следующие: 1) расширение общего состава лексико-фразеологических полей русского языка за счет принципиально новых образований (ср., например,

ЛФП тематических сфер «Реклама», «Новые информационные технологии»); 2) изменение соотношений между ЛФП, относящимися к активному или пассивному лексическому запасу, а также между актуализированными/ дезактуализированными (повысившими или понизившими частотность употребления своих единиц) лексико-фразеологическими образованиями (ср., например, актуализацию в современном русском языке ЛФП «Наркотики», «Паранормальные явления»); 3) изменение иерархических отношений между различными структурными типами ЛФП.

Последнее из указанных структурных изменений представляется особенно существенным. Как показывают исследования, на современном этапе развития русского языка в его лексической системе меняется состав «доминантных» и «сопутствующих» лексико-фразеологических (лексико-семантических) полей, различающихся по степени значимости для общественного языкового сознания и характеру взаимодействия с другими подобными группировками. Например, в число «доминантных» в новейший период развития русского языка выдвигаются лексико-фразеологические поля «Государственное управление», «Бизнес и предпринимательство», «Массовая культура», «Информационные технологии», «Туризм» и некоторые другие. Названные группировки отличаются не только значительным объемом входящих в них единиц (лексем и устойчивых словосочетаний), быстрым количественным ростом и высокой частотностью употребления в разных видах дискурса, но и иррадирующим воздействием на другие лексико-фразеологические подсистемы национального языка, что проявляется в их способности «втягивать» в свой состав единицы иных, нередко весьма далеких в тематическом отношении ЛФП (ср., например, активное пополнение лексико-фразеологического поля «Государственное управление» лексемами и фразеосочетаниями экономической, компьютерной, предпринимательской и др. сфер [17]).

Описанные выше изменения в структурной организации национального русского языка оказываются достаточно значимыми как в собственно лингвистическом, так в социокультурном отношении. С точки зрения первого аспекта, можно констатировать факт несомненного усложнения структуры современного русского языка, которое проявляется в увеличении количества его социальных, функциональных, нормативных и ненормативных, кодифицированных и некодифицированных разновидностей, а также переходных языковых образований, в том числе принципиально новых (относящихся к числу так называемых «сильных» инноваций [18; 2]), а также в формировании новых структурных связей и отношений между языковыми элементами и подсистемами. Подобное усложнение является закономерным следствием динамического движения развитой языковой системы национального русского языка и находит отражение в еще большем усложнении его стилистической организации (стилистического строя) и расширении стилистической вариантности языковых единиц [19; 20]. Учитывая данное обстоятельство, представляется возможным говорить не просто об ускорении динамического развития русского языка на рубеже XX–XXI веков (что подчеркивается практически во всех исследованиях соответствующей проблематики), но и о прогрессивном характере подобного развития. Данный вывод является особенно важным на фоне

отмечаемых многими исследователями применительно к современному историческому периоду тенденций к упрощению грамматического строя русского языка (см., например, работы Н.С. Валгиной, Е.А. Земской и др.), а также созвучным мнению тех лингвистов, которые настаивают на невозможности однозначных оценок тех процессов, которые происходят в русском языке в настоящее время [см., напр.: 21, с. 10–16; 23].

Вместе с тем, очевидно, что некоторые из описанных выше структурных трансформаций национального русского языка формируются в значительной степени под влиянием негативных характеристик современной языковой ситуации в России, в том числе таких как жаргонизация, вульгаризация и криминализация русской речи, широкое распространение грубой лексики на всех уровнях коммуникации, массовые отступления от норм русского литературного словоупотребления [2, с. 7, 10; 14], а также «заметная утрата практическим языком возвышенно-эстетических качеств» [23, с. 78]. Сказанное касается, прежде всего, формирования таких названных выше новых социальных разновидностей русского языка, как «просторечие-2» «просторечие-3» и «общенациональный жаргон», которые активно пополняют все более актуализирующееся «функционально-стилистическое просторечие» и многими современными носителями русского языка, в том числе молодыми, воспринимаются как особые, экспрессивно насыщенные функциональные подсистемы, не имеющие ограничения в сфере использования. Ср. в этой связи высказывание Л.П. Крысина: «Материал наблюдений над использованием жаргонизмов в современной русской литературной речи свидетельствует о том, что в среде носителей литературного языка меняется отношение к жаргону: он осознается, во всяком случае частью говорящих, не как социально чуждая языковая подсистема, средства которой недопустимы в культурном общении (что было характерно для общественно-языкового сознания еще в недавнем прошлом...), а как источник особо выразительных, экспрессивных слов и оборотов, которые могут использоваться в литературной речи в определенных ситуациях общения...» [5, с. 400].

Отмеченные явления свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что само понятие «русский литературный язык» в настоящее время становится для многих носителей русского языка весьма зыбким и неопределенным. Учитывая данное обстоятельство, необходимо признать, что вопросы языкового образования и повышения уровня речевой культуры граждан современной России следует рассматривать в том числе и как вопросы поддержки и сохранения русского литературного языка, представляющего собой основную и ведущую разновидность всей национальной языковой системы и основу прочности ее структуры [2, с. 190–200].

Отмеченные явления свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что само понятие «русский литературный язык» в настоящее время становится для многих носителей русского языка весьма зыбким и неопределенным. Учитывая данное обстоятельство, необходимо признать, что вопросы языкового образования и повышения уровня речевой культуры граждан современной России следует рассматривать в том числе и как вопросы поддержки и сохранения русского литературного языка, представляющего собой основную и ведущую разновидность всей национальной языковой системы и основу прочности ее структуры [2, с. 190–200].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Загоровская, О.В. Формы существования русского языка и типы русской речи на рубеже XX–XXI веков // О.В. Загоровская // Известия Научно-координационного центра по профилю «филология» (ВГПУ – ВОИПКиПРО). – Вып. VII. – Воронеж : ВОИПКиПРО, 2009. – С. 4–6.
2. Загоровская, О.В. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: Исследования по социолингвистике и лингвокультурологии [Текст] / О.В. Загоровская. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – 232 с.
3. Бельчиков, Ю.А. Литературный язык [Текст] / Ю.А. Бельчиков // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 221–223.
4. Лопатин, В.В. Русский язык [Текст] / В.В. Лопатин, И.С. Улукханов // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 437–444.
5. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л.П. Крысин. – М. : Языки русской культуры, 2004. – 888 с.
6. Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. – М. : Академический проект, Алматы-Матер, 2008. – 760 с.
7. Закон о государственном языке Российской Федерации // Российская газета. – Федеральный выпуск. – № 3789. – 2005. – 7 июня.
8. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
9. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 704 с.
10. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис [Текст] / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
11. Химик, В.В. Большой словарь русской разговорной речи [Текст] / В.В. Химик. – СПб. : Норинт, 2004. – 708 с.
12. Загоровская, О.В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии [Текст] / О.В. Загоровская. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2011. – 383 с.
13. Гольберг, И.М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты : дис. ... канд. фил. наук [Текст] / И.М. Гольберг. – М., 2002. – 200 с.
14. Русская разговорная речь [Текст] / отв. ред. Е.А. Земская. – М. : Наука, 1973. – 485 с.
15. Лаптева О.А. Литературного языка теория [Текст] / О.А. Лаптева // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 223–225.
16. Алтухова, Т.В. Соотношение элементов устной и письменной речи в виртуальной коммуникации [Текст] / Т.В. Алтухова // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 150–155.
17. Загоровская, О.В. Инновации, связанные с обновлением лексического состава, в языке государственного управления современной России [Текст] / О.В. Загоровская, Г.А. Заварзина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 80–83.

18. Загоровская, О.В. Лексические инновации в русском языке новейшего периода [Текст] / О.В. Загоровская // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI веков. – Воронеж, 2001. – С. 10–11.
19. Загоровская, О.В. Стилистическая значимость русского слова как явление национальной культуры [Текст] / О.В. Загоровская // Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Распоповские чтения: материалы международной конференции, Воронеж, 2–4 марта 2012 г. / под ред. Л.М. Кольцовой; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. – С. 69–74.
20. Загоровская, О.В. Вариантность нормы в русском языке начала XXI века и задачи создания современного учебного нормативно-стилистического словаря [Текст] / О.В. Загоровская // Известия ВГПУ. – 2015. – Т. 266. – №1. – С. 185–191.
21. Юдина, Н.В. Русский язык в XXI веке: Кризис? Эволюция? Прогресс? [Текст] / Н.В. Юдина. – М. : Гнозис, 2010. – 293 с.
22. Загоровская, О.В. Судьба русского языка в условиях глобализации современного мира [Текст] / О.В. Загоровская // Русский язык наших дней в социолингвистическом освещении: сборник научных трудов. – Липецк : ЛГПУ, 2008. – С. 21–30.
23. Белоусов, П.А. Семантическая девиация в русском языковом пространстве и учение о доминанте А.А. Ухтомского [Текст] / П.А. Белоусов // Актуальные проблемы современной когнитивной науки : материалы международной научно-практической конференции. – Иваново : ОАО «Иваново», 2010. – С. 76–79.